

Пациент

Автор:

Алексей Юрченко

Пациент

Алексей Юрченко

Доктор Лейман – уважаемый психотерапевт одного из городов США. Однажды жизнь доктора резко меняется, когда к нему на сеанс приходит пациент, который признается, что уже пять лет убивает людей с одной только целью – сделать этот мир лучше.

Глава 1

Доктор Лейман, стоя у бесконечных книжных полок, терпеливо и въедливо переставлял книги. По мнению доктора, библиотека должна производить впечатление в первую очередь эстетикой цвета и точностью линий. Её наполнение – дело, очевидно, не основное. Доктор вытягивал тонкие руки кверху, доставал нужную книгу, крутил её в руках, внимательно изучая цвет, материал обложки (больше всего мороки было с дорогими кожаными переплётками) и толщину корешка. После он ненадолго замирал, всматриваясь в стеллажи и пытаясь понять, где она будет смотреться лучше всего. Лейман изобрёл этот способ медитации совершенно случайно, когда заселялся в свой новый кабинет, но при въезде совсем забыл попросить рабочих, выставивших стол, кресла и шкафы, разобраться с книгами. Небоскрёбы изданий выстроились бумажным кварталом посреди офиса. Завалы пришлось разгребать самому.

Доктор сделал два шага назад и прищурился. В глаза тут же бросился дымчатый толстый корешок внизу на второй полке, стоящий между двумя алыми изданиями и явно выбивающийся из общей гармоничной картины. Лейман присел – колени издали звонкий старческий треск, хотя ему не было ещё

сорока, – и вытащил книгу. На обложке под стелющимся туманом виднелся нос деревянной лодки, где-то сверху тянулась тонкая полоска суши, героев видно не было. Кадр был сделан сверху, будто ангел, парящий над миром, решил запечатлеть чем-то привлёкший его момент.

– Американская трагедия, Драйзер, – пробубнил себе под нос доктор и уставился на лестницы полок, занимающие всю стену за письменным столом.

Решение пришло быстро. Справа ближе к окну преобладали книги чёрной, белой и серой расцветки. Лейман приподнялся на цыпочки и, тяжело кряхтя, заткнул книгу в единственно верное место.

– Когда-нибудь я соберу свою идеальную библиотеку, – проговорил он и уселся в широкое белоснежное кресло.

Доктор любил сидеть в одиночестве в своём кабинете. Отчасти потому, что все накопленные сбережения он вложил в офис с выгодным расположением в центре города, богатой мебелью из массива дуба, белым кожаным креслом, которое, по словам производителя, избавляло от всех ортопедических недугов, и полом из самого дорогого мрамора, что ему удалось найти. Кабинет получился необыкновенно светлым. Он любил представлять, что он работник небесной канцелярии, который по долгу службы первым встречает новых постояльцев. Лейман не имел даже собственной квартиры и был вынужден снимать двухэтажный таунхаус на окраине города. Но это его не особо заботило. Богатое убранство кабинета психотерапевта он считал главным в привлечении новых клиентов. Тем более, что своим профилем он считал исключительно состоятельных людей. Его сеансы стоили в десять раз больше стандартной рыночной цены, но жёны бейсболистов, запойные актёры или бизнесмены на грани банкротства точно знали, что ни одна душа не узнает, что они здесь были и, главное, с чем они приходили. К слову, Лейман быстро понял: чем выше человек вознёсся над обществом, тем страшнее и опаснее его тараканы. Завышенная цена всегда вселяла уверенность в сервисе премиум-класса. Первые клиенты нашлись случайно, по знакомству, а теперь на него работало только сарафанное радио. Поток не был большим. Случались месяцы, когда в день на приём приходил лишь один клиент. Но высокая цена позволяла работать и в таком режиме.

Раздался звонок внутреннего телефона. Доктор нажал на кнопку громкой связи.

– Вам звонят из страховой компании, – залепетал слишком тонкий даже для девушки голос секретарши, – просят о встрече.

– Компания, случайно, не «Кастл иншуэренс»? – брови Леймана сползли вниз.

– Минуточку, – в динамике зашелестели страницы, – да, это они. На когда их записать?

– Бетти, скажите им, что я улетаю в длительную командировку в Лос-Анджелес и позвоню им сразу после возвращения.

– Доктор, у вас много приёмов в этом месяце, вы не можете никуда лететь, – жалобно заговорила секретарша.

– Бетти, пожалуйста, скажите тем господам о моей поездке. Больше от вас ничего не требуется.

– Я вас поняла, доктор, – быстро произнесла девушка и повесила трубку.

Лейман откинулся в кресле, нервно снял с запястья часы «Вашерон Константин», швырнул их на стол и погрузился в тягостные раздумья.

Нелепая проблема нависла над ним совсем недавно. Его сводный брат Эдвард, неплохой предприниматель и верный семьянин, время от времени баловался, как он выражался, «лёгким заработком». Идея была предельно проста: получение страховки по сфабрикованной аварии. Так, пять лет назад, не имея больших денег, он инсценировал дорожное происшествие своего захудалого «Форда» с автомобилем доктора. Страховка была получена без особых хлопот. Пару месяцев назад он решил повторить аферу. И подельником вновь выступал Лейман. Однако в этот раз вопросов возникло больше, поскольку машина брата была в разы дороже, а полагающаяся выплата вырисовывалась серьёзной. Документы от страховой, которая отказалась платить, перетекли в полицию. Полиция, особо не вникая, не нашла состава преступления в действиях доктора и его брата, однако сотрудники страховой рьяно пытались докопаться до истины. Лейман, привыкший к тихой размеренной жизни психотерапевта и холостяка, не понимал, как себя вести и чем всё это может кончиться. Могут ли у него забрать лицензию? Или вообще посадят в тюрьму? К тому же очень выводило из себя легкомыслие Эдварда, который только потешался над

страховщиками, нависшей угрозой наказания и паранойей доктора. Единственное, что злило брата, что денег он так пока и не получил. Не придумав ничего лучше, чем просто тянуть время, Лейман и наплёл им про командировку.

Доктор встал от стола, подошёл к зеркалу, что висело в углу, и стал внимательно вглядываться. Левый висок начинал серебриться сединой. Уж не из-за этих ли назойливых страховщиков? Старееющее понурое лицо было мертвецки бледным. Из-под белоснежного воротника рубашки проступали сизые пятна, которыми два дня назад покрылась его шея. Лейман достал из внутреннего кармана расчёску и поправил разбросанные по всем сторонам русые редкие волосы.

Внезапный треск телефона сбил мучительную задумчивость. Он за три шага вернулся к телефону и нажал на кнопку.

– На приём пришёл Пит Эвридж, – пропищала Бетти.

Лейман взглянул на время – новый пациент прибыл на пятнадцать минут раньше положенного.

– Пусть заходит, – отрезал он и ловко упал в кресло, надев на руку сброшенные недавно часы.

Дверь приоткрылась. В проёме появилась вытянутая смуглая голова мужчины средних лет в ярких солнечных очках с черничной оправой. Тёмные волосы были зачёсаны на правый бок и слегка смазаны гелем.

– Разрешите, доктор? – раздался мягкий тембр гостя.

– Проходите, присаживайтесь.

Пациент зашёл целиком, мельком оглядел кабинет и твёрдой поступью двинулся к стулу напротив. Новый подопечный явно выделялся своей болезненной худобой. Особенно пугали тонкие руки и пальцы, похожие на спицы. Одет мужчина был со вкусом: зауженные чёрные брюки, итальянские туфли, фиолетового цвета кардиган с белой рубашкой навыпуск. Усевшись, пациент вытянул руки на подлокотниках. На запястье блеснул золотой браслет часов

подороже, чем у доктора. Пит Эвридж покосился на стул, на котором сидел. Очевидно, он не чувствовал себя на нём удобно.

– Это тонкая, но нужная деталь моей методики, – заговорил доктор, предвосхищая вопрос.

– Да? Похоже на средневековые стулья в тавернах из сериалов, – ответил Пит, пытаясь занять оптимальную позу.

– Мы добьёмся того, что даже на этом стуле вам будет комфортно.

– Как скажете, доктор, – пациент хитро заулыбался, выдохнул и спросил: – как начинаются такие мероприятия? Мне начать рассказывать про своё детство?

– Пока это необязательно. Давайте сначала поговорим по существу. Вас зовут Пит, верно?

– Питер, если полное имя. Но все называют Пит, – он снял очки и сложил руки на груди. В глазах цвета бледной морской волны молнией пронёсся дьявольский огонёк. – Я убил человека.

Доктор пытался скрыть оторопь от подобного вступления, однако его выдавали выпученные глаза и руки, которые он не знал, куда деть. С первых минут он почувствовал опасность, что исходила от Пита. Такого он не испытывал ни с одним из своих пациентов. Лейман прибрал страх в сторону и откинулся в кресле, изображая полную сконцентрированность. Хотя все мысли испарились. Так одним взмахом скатерти со стола слетает вся посуда. Рука интуитивно потянулась к кнопке, связывающей доктора с секретарём, однако он быстро убрал её вниз.

– Когда это случилось? – выдавил он из себя.

– Пять лет назад, – ответил пациент спокойно, сохраняя игривое настроение.

– Вы вернулись из тюрьмы?

– Меня не нашли. Никто не был наказан.

– Вас это тревожит? Вы бы хотели искупления?

– Нет, – коротко ответил Эвридж.

Доктор встал с кресла и отвернулся от пациента. Он никогда так не делал, но в тот момент едва ли Лейман мог себя контролировать. Доктор взгляделся в оголтелую людскую суету за окном. Перекрёсток, где находился его офис, кишел пешеходами, таксистами и попрошайками.

– Расскажите подробнее?

– Конечно, – Пит поднялся с неудобного стула, встал метрах в двух от доктора и также принялся разглядывать жизнь за стеклом. – Знаете, доктор, я хочу изменить мир к лучшему. Я изобрёл метод для этого и охотно им пользуюсь. Пять лет назад я встречался с девушкой. Прекрасное создание с чёрными, как самая беззвёздная ночь, волосами, широкими глазами ведьмы, изящными плавными движениями. Она была замечательна. Кроме одного, – пациент отвёл взгляд от окна и взглянул на Леймана. Доктор изобразил лукавый прищур, стараясь быть хотя бы на вид умнее собеседника, – она бегала.

– Бегала? – переспросил доктор.

– Да. Без конца. Полумарафоны, марафоны, триатлоны. Мечтала покорить «Железного человека».

– Это что?

– Полное сумасшествие, когда ты плывёшь три километра, потом катишься на велосипеде сто восемьдесят километров и затем ещё пробегаешь марафон.

– Серьёзное испытание.

– Ещё бы. Но такие соревнования уже не про здоровье. Ещё этот Джеймс Лоуренс, которому покорились пятьдесят дистанций «Железного человека» за пятьдесят дней в пятидесяти штатах. Все словно с ума сошли.

– Вы считали это большим минусом у неё? Она посвящала бегу много времени?

Пит Эвридж развернулся и сел на стул. Его лицо излучало некое восхищение. С такими выражениями стоят знатоки в музеях перед работами Эдгара Дега, Босха или Рембрандта. Пациент подождал, пока Лейман тоже вернётся на своё место, и, тщательно подбирая слова, продолжил:

– Суть не в этом. Я тоже человек увлекающийся и уважаю тех, кто тратит на любимое дело всё время. Высокомерие. В её круге повально все признавали себя сверхлюдьми, а таких, как я или вы, уж простите, доктор, но вы не производите впечатления атлета, они считали отребьем, биомусором.

– Она вам такое говорила?

– Нет, но слова были не нужны. Её поведение и всех её дружков как бы кричало, что они познали Бога, а мы предназначены, чтобы сдохнуть через восемьдесят отведённых нам лет.

– Вы её убили?

– Нет. Я бы никогда не решился на это. Она – совершенство, – Пит разразился жутким припадочным кашлем. Отдышавшись, он достал из кармана коробок, – не возражаете, если я буду жевать конфету? Пытаюсь бросить курить.

Лейман сделал позволительный жест и всмотрелся в пациента внимательней. Тонкий крючковатый нос смахивал на клюв грифона. Ему явно доставалось в школе из-за внешности. Рот был правильный, красивый, с белоснежными ровными зубами. Пит точно это знал, поэтому так активно пользовался своей улыбкой. От виска до виска по лбу глубокой траншеей проходила морщина, в которую стал собираться пот. От уголков глаз также лучами стремились к ушам крохотные борозды. Пациент не был красавцем, но наличие денег всё сглаживало. Длинные пальцы сплелись у Эвриджа в замок и расслабленно лежали на груди.

– Как же вы в итоге поступили?

– Я решил отбить у неё охоту заниматься бегом и тем самым избавить её, а может и ещё парочку подобных от той надменности, которой они сквозили. Я выбрал Джорджа, её знакомого и компаньона по всем соревнованиям. Тихий и оберегающий собственную гордыню болван. На протяжении месяца я изучал его повадки. Представляете, доктор, каждое божье утро он вставал в пять утра и бежал по нашему главному парку одним и тем же маршрутом. Набегал двадцать километров и возвращался домой. Это был октябрь. Погода была самой дрянной в моей жизни: ветер звонко хлестал мелким дождём по лицу. Но я был уверен: мой друг точно выйдет в парк кормить своё эго. Ещё в час ночи я привёз забор из сетки-рабицы и оградил нужный мне участок. Я копал как проклятый! Представляете меня с лопатой?

– С трудом, – признался доктор.

– Вот именно. Четыре дня после пришлось ходить с руками, перебинтованными от мозолей. Но в те часы ладони яростно сжимали рукоятку. Я помню свирепое дыхание. Такое бывает только у хищника во время охоты. Стоило мне прокопать до колена, как дождь из мерзкого, но слабого обернулся проливным. Мои ботинки застревали в тяжёлой глине. Глаза застилала мутная пелена. Но я не останавливался. Лопата методично черпала увесистые комья тёмно-коричневого цвета и отшвыривала их в сторону. За три часа я вырыл яму в рост моего бегуна.

Пит замолчал. Его челюсть рьяно и звонко перемалывала леденец. Пустые глаза устремились в прошлое. Он был не здесь. Гнетущая вязкая тишина сводила Леймана с ума.

– Что произошло дальше? – спросил он, хотя уже на середине беседы вспомнил это убийство. О нём писали все газеты штата и даже некоторые журналы Нью-Йорка.

– Я выставил деревянные колья. Их наконечники были остры, как лезвия швейцарских ножей. Пришлось вытачивать их, как умалишённого, две недели. И в довесок я смазал их ядом кураре. Знаете, что это?

– Первый раз слышу.

– О, это прекрасная вещица. Мне доставили её прямиком из Амазонки. Яд древних индейцев. Он помогал в охоте. Было достаточно пустякового пореза,

чтобы мелкое животное погибало. При этом яд совершенно не портил пищу, напротив, – мясо становилось нежнее и богаче. Но тут я зелья не жалел. Ох, если бы я случайно порезался в своём гараже! Представляете озадаченные лица копов, которые бы ночами не спали, пытаюсь понять, что такого удумала жертва! Пики стояли плотно, как терракотовые воины. Один к одному. Идеальный отряд смерти. Но тут встала проблема, которая могла погубить всё мероприятие. Дождь лил как из ведра. И мой тонкий слой из плёнки, припорошённый землёй, мог не дожидаться Джорджа и обрушиться вниз. Я уже стал думать, чтобы оставить яму, вернуть колья в фургон и выбрать другой день. Но знаете что?

– Что?

– Стоило мне взглянуть на небо, как ливень прекратился. Одним взмахом! Можете себе представить? Доктор, верите в знамения?

– Есть такой термин парейдолия. Это когда мозг пытается создать образ из хаотичных и ничего не значащих объектов. Например, когда на поверхности Марса мы видим лик человека. Мозг сам пытается создать то, что ему близко. К знамениям у меня примерно такое же отношение.

– Вы, вероятно, чертовски скучно живёте, доктор! Но факт остаётся фактом. Дождь по мановению волшебной палочки прекратился. Полиэтилен был застелен. Ловушка ждала свою жертву. Я дождался пяти тридцати и быстро откинул часть забора со стороны, откуда Джордж должен был вбежать, и уехал домой.

– Мог ли в неё попасть кто-то другой?

– Погрешность была незначительная. С такой погодой и в такое время парк был всегда пуст.

– Как вы узнали, что в итоге всё получилось?

– Ждать было мучительно тяжело. Хотелось самому прикинуться бегуном и направиться туда, но я понимал, что могу привлечь внимание. Поэтому сидел дома. Включил телевизор, радио, открыл интернет и ждал новостей. Однако вскоре позвонила моя девушка. Разрываясь от всхлипов, она выговорила, что Джордж погиб. И вот здесь я с собой не совладал! От детской воспламеняющей

радости я вскочил с дивана, тут же выключил телевизор, радио и ответил, мол, вот видишь, не всегда спорт продлевает жизнь. Из трубки раздался нечеловеческий рык, отчего я аж вздрогнул. Звонок оборвался. Больше я её никогда не видел.

– В итоге ничего, получается, не вышло? Девушка от вас ушла.

– Ошибаетесь. Об убийстве заговорили повсюду. Я опустил на землю этих бессмысленно шаркающих ножками зазнаек. Приобрёл я гораздо больше, чем потерял.

– Что же вы приобрели?

– Чувство того, что я могу! Могу вычистить от мусора не только свой дом, но и двор, квартал, штат, а может, и всю страну.

– Но люди продолжают бегать.

– И пусть. Я же боролся с другим.

Лейман задумался. События того октября он помнил смутно. Но первая полоса местной газеты неожиданно всплыла в подсознании и застелила глаза. Обрывки новостей, всколыхнувших штат, будто стал монотонно начитывать сухой старческий голос. Джордж упал на копыя всем телом. Одно копьё попало точно в глаз и, согласно экспертизе, дошло до затылка, другое – застряло между рёбер, успев пробить лёгкое, третий терракотовый воин проткнул насквозь правую ладонь, четвертая пика вонзилась в пах, последняя – вошла в бедро, по пути повредив артерию. Амазонский яд так и не понадобился. Джордж умер почти мгновенно. Наткнулся на жертву другой бегун примерно через полчаса. На фотографиях жертва будто застыла в полёте или прилегла отдохнуть. Но это только если смотреть сверху. Снизу, как рассказывали ошарашенные полицейские, грязь смешивалась с экскрементами, кровью. Над трупом жужжали гигантские мухи. Часть деревянных копий окрасилась в тёмно-коричневый цвет, на лице жертвы застыла гримаса ледяного ужаса, из приоткрытого рта, словно из колокола, свисал обмякший бледный язык, единственный уцелевший глаз излучал тот стремительный холодный испуг, который, видимо, не успел заставить Джорджа закричать или даже простонать.

– Возник один вопрос.

– Прошу вас, – Пит сверкнул белыми, как январский снег, зубами.

– Зачем вы здесь, если вы не сожалеете?

– Вдруг я в чём-то ошибаюсь. Людям же свойственно ошибаться, – спокойно ответил пациент.

– Тогда ещё один, и мы закончим на сегодня наш сеанс. Вы видели фотографии, которые распространялись в сети и газетах?

– Да, конечно.

– Что вы чувствовали?

Уголки губ Пита поползли вверх.

– От вас ничего не утаишь, доктор. Хорошо, что я всё-таки пришёл, – Эвридж громко выдохнул и закинул ногу на ногу, – у меня была эрекция. Мне даже не надо было расстёгивать ширинку. Я кончил.

– Наше время истекло, Пит. Работы, я думаю, вы сами понимаете, очень много. Я проанализирую нашу беседу. К следующей неделе буду глубже пробираться в вашу историю и прорабатывать методы разрешения проблемы, – Лейман говорил сбивчиво, даже нервно. Он чувствовал, что его уши горели. Ему хотелось поскорее избавиться от гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yurchenko_aleksey/patient

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)